

Алексей Загуляев

Простые истории

История четвёртая

Неожиданное наследство

Алексей Николаевич Загуляев
Неожиданное наследство
Серия «Простые истории», книга 4

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69877219

SelfPub; 2023

Аннотация

Работая врачом в психиатрической клинике, Лиза знакомится с необычным пациентом – стариком, поступившим в больницу с болезнью Альцгеймера. Со временем она становится не только слушателем его невероятных историй, но и той, кому он завещает некий тайник. События, развернувшиеся вокруг такого наследства, на многое по-новому открывают глаза Лизе. Четвёртый рассказ из цикла "Простые истории".

Алексей Загуляев

Неожиданное наследство

В тысяча девятьсот восемьдесят седьмом, окончив медицинский, Лиза устроилась врачом в психиатрическую больницу. Она могла бы продолжить учёбу в аспирантуре, потом защитить кандидатскую и остаться преподавать – для этого у неё были все возможности. Но так получилось, что именно в день, когда следовало принять решение о своей дальнейшей судьбе, её бросил парень. Неожиданно, жестоко, без особенных объяснений, с дурацкой извиняющейся улыбкой на холёном лице. То ли на зло самой себе, то ли показывая тем самым всю глубину своего отчаяния, но Лиза выбрала именно такой путь – устроилась лечащим врачом, имея на руках красный диплом.

Совсем скоро она свыклась со своим выбором. Даже с удивлением обнаружила, что ей это нравится. Относительно, конечно. Появилось больше свободного времени. Да и деньги, которые она теперь зарабатывала, оказались весьма кстати, поскольку в противном случае средств к существованию у неё не было бы. Бывший её парень, Андрей, во время учёбы являлся единственным источником дохода. Это получилось как-то само собой и никогда не обсуждалось до того самого дня, когда их судьбы разошлись в разные стороны. Это она со всей полнотой поняла только тогда, когда он её бросил.

Родители, конечно, тоже старались помочь, особенно на первых двух курсах, но к третьему году учёбы привыкли, что их дочь сама справляется с бытом, и Лизе не хотелось их разочаровывать и в этом разубеждать. Задним числом, прокручивая в уме былую свою наивность, она чувствовала стыд и даже что-то похожее на вину перед Андреем, хотя никакой вины, разумеется, и быть не могло – со своей стороны она давала мужчине намного больше, только это нельзя было измерить материально.

Два года работы в психушке пролетели быстро. Лишь первые месяцы после расставания с Андреем Лиза не могла найти себе места: ждала звонков и сожалений от своего бывшего, вслушивалась по вечерам, не открывается ли в коридоре входная дверь (вернуть вторые ключи от квартиры девушка Андрея не просила), искала случайных встреч с предателем, в одиночестве прохаживаясь по знакомым улицам, где они любили раньше гулять вместе. Но всё было напрасно. Андрей как в лету канул. Даже их общие знакомые, хотя и немногочисленные, ничего о нём толком не знали. А может быть, не говорили лишнего по его же просьбе. Доходили слухи, будто бы он уехал куда-то на заработки, перед этим успев познакомиться с какой-то малолеткой. И другие слухи, противоречащие первым, о том, что окрутила его некая не бедная дама в возрасте, и теперь он живёт заложником в её роскошном особняке. Лиза попереживала, взвесила все за и против – да и успокоилась. Замотала себя в кокон, надеясь

через какое-то время выпорхнуть из него новым существом – золотокрылой бабочкой, способной летать и впитывать все прелести жизни.

Главврач ей благоволил, прощал все промашки, имевшие место в первый год, и даже наставлял не только в работе, но и в принципах социальной адаптации в случаях, когда судьба поворачивалась к человеку филейной частью. Лизе он казался поначалу чудачком. Он сам курировал некоторых больных, ведя с ними душевные беседы и привязывая к себе своим расположением. С кем-то из них играл в шахматы, кого-то обещал подтянуть за время лечения в знании иностранных языков. Те ему верили, как бы забывая о цели своего истинного пребывания в психушке – и некоторым это, действительно, шло на пользу. Правда, немногим, поскольку по-настоящему психически нездоровых в их отделении имелось немного. Был молодой парень, лет восемнадцати, который сошёл с ума прямо на стадионе после того, как проиграл его любимый «Спартак». Он просто вскочил и заорал: «Я Горбачёв!» И не мог остановиться, пока не приехала скорая и не привезла его в соответствующее при таких раскладах заведение. Ещё был Володя Зиборов – любимый пациент другого Володи, о котором можно было бы рассказать отдельно. Однажды этот Зиборов ни с того ни с сего спалил собственный дом, а потом убил и съел свою лошадь. Был и один самый настоящий идиот, не способный связать и двух слов, но воспроизводивший свистом любую случайно услышанную ме-

лодию, даже если это играл Шостакович. И ещё имелся старожил этих стен – толстый мужичок по прозвищу Папá, не сумевший к своим тридцати выйти из детского возраста. Он умел сказать только одну фразу: «Папá магатí титя би во». Как позже поняла для себя Лиза, это он кратко рассказывал о перипетиях своей жизни – папа послал его в магазин, а когда он вернулся, не купив того, что требовалось, отец его избил. И скорее всего, это случилось не один раз. От этого в голове у него что-то необратимо сломалось.

Весь остальной контингент отделения состоял из косящих от армии солдатиков, из бомжей со связями, которые зиму старались скоротать в стенах этой больницы, в тепле и с трёхразовым хорошим питанием. И иногда даже из преступников, адвокаты которых убедили их прикинуться невменяемыми. Последние настолько вживались со временем в свою роль, что действительно начинали походить на сумасшедших. Был один такой, зарезавший свою жену. Ещё в СИЗО, сидя в одиночной камере и нервно прохаживаясь от стены к стене, он придумал себе теорию, в которой заменял буквы в словах числами, соответствующими их порядковому номеру в алфавите. На основе сравнения получавшихся сумм он сопоставлял некоторые особо значимые слова и находил между ними скрытые от глаз смысловые связи. В психушке, получив возможность пользоваться бумагой и ручкой, он эту теорию усложнил и углубил, в итоге написав целый многостраничный трактат. Набрал себе учеников из палаты, в основ-

ном солдатиков, ожидающих, когда их комиссуют, и в конце концов истинно уверовал в самого себя, как в первооткрывателя и проводника тайных смыслов бытия.

Впрочем, комиссовали из армии единицы. Закопать в конечном итоге от тюрьмы тоже удавалось немногим. Бомжи с первым снегом снова возвращались в свои любимые норы. А такие личности, как Папа, вообще оставались вечными узниками пасмурных коридоров больницы. За те два года, которые работала Лиза, вылечить удалось только парня, провозгласившего себя Горбачёвым. Так что чудачества главврача и пламенные речи женоубийцы не приносили плодов. Оказалось, что начальник отделения просто развлекал себя таким образом, спасаясь от скуки. Да и проявился в итоге человеком жёстким, своевольным и самолюбивым. Самолюбие его обожгло и Лизу, когда она вежливо отказалась от его ухаживаний. Это стало для девушки ещё одним уроком реальности, в которой ей предстояло отныне жить.

В ночные дежурства, на которые часто вызывались лечащие врачи, напарником Лизы всегда был только Вадим. Она с ним легко сошлась по той простой причине, что тот никогда не пытался её клеить. Он был года на два её старше; в отличие от неё, закончил аспирантуру и готовился к защите кандидатской. Психиатрия была единственным его интересом. Имея живой характер, Вадим умел создать вокруг себя лёгкую атмосферу. Разговоры его всегда были интересны, ни

с какими советами он не лез и за любыми проблемами, возникающими порой в жизни, видел лишь интересную задачу, которую нужно решить как можно более оригинальным способом. Когда заканчивался ужин и пациенты послушно задвигали по углам столы, чтобы освободить пространство для дополнительных спальных мест, Вадим уединялся под жёлтым бра и корпел над своей диссертацией. Один художник из отдельной палаты для буйных успевал до отбоя сделать для него три-четыре рисунка в стиле Леонардо Да Винчи. Ни для кого, кроме Вадима, он рисовать больше не соглашался. А просили многие, особенно солдатики и косившие от тюрьмы ловкачи. Наверное, хотели сохранить себе что-нибудь на память о времени, проведённом среди психов. В палате для буйных было только три человека, включая художника. Да и палатой её назвать было нельзя – обычная комната, не отделённая от общего зала дверью, с обычными кирпичными стенами и деревянными шкафами. Вообще, всё окружающее больных пространство напоминало о положенной строгости режима лишь решёткой на больших окнах, в щели которых задувал холодный зимний воздух. Буйствовали эти трое редко, и никогда чтобы все разом. Художник по ночам мог колотить здоровенными кулаками по своему шкафу, требуя берлинской лазури, или тощий парень, с утра до ночи пишущий великий роман на салфетках и пачках из-под сигарет, принимался вызывать по невидимому телефону Фёдора Михайловича и потом неистово рвал и разбрасывал по палате клоч-

ки своего очередного салфеточного шедевра. Третий просто раз в месяц, пятого числа, вешался на спинке кровати, соорудив из кальсон петлю, и ждал, когда кто-нибудь это заметит и позовёт дежурного санитаря, чтобы тот вернул кальсоны на положенное им место. На этот шум всегда прибегал Папá и снова заводил свою историю о неудачном походе в магазин, переходя постепенно на крик. Вадим на такой случай всегда имел сигарету, которую прикуривал и совал в руки Папá. Тот, хоть и не понимал её истинного предназначения, довольный уходил под лестницу в курилку, неуклюже пускал изо рта клубы дыма, сидя на полу, и через пять минут благополучно возвращался в свою постель. В общем, ничего особенного. Ночные будни обыкновенной психиатрической больницы. Лиза и Вадим к этому настолько привыкли, что, когда выпадала на их дежурство спокойная ночь, были даже немного этим спокойствием удручены.

Такая ночь выдалась и 25 декабря 1989 года. Диссертация Вадима была наконец закончена. Он оказался особенно настроен на разговоры, и, после того, как Лиза раздала больным положенные на ночь таблетки, они расположились за столом и пили кофе со сливками.

– Завтра «Горбачёва» моего выписывают, – сказал Вадим. Он вёл этого пациента два месяца и был доволен положительным результатом лечения. – Божился, что больше ни ногой на стадион. А от красного цвета его уже вообще тошнит. Решил болеть за «Динамо».

– Я бы на его месте вообще о футболе забыла. Как бы рецидив не случился.

– Тьфу-тьфу. – Вадим постучал костяшками пальцев по столу. – Это мой первый положительный пациент. Плюсик в карму моей диссертации.

– А кого после «Горбачёва» вести будешь?

– Старика одного завтра привезут. Дети его сдать хотят. Лет семьдесят дедушке. Альцгеймер и все сопутствующие.

– Безнадёжный?

– Разберусь по ходу. Может, просто избавиться хотят от обузы. Детишки не бедные. Да и батя их не последним человеком по молодости был. Геолог какой-то или что-то вроде того. Книги писал, кафедрой одно время заведовал. Договаривались напрямую с главным. Мутное дело. И неприятное. Жалко старика. И в случае какой-то левой договорённости всё равно он отсюда не выйдет, даже если голова встанет на место. Не хотелось бы брать напоследок такое дело.

– Ты уходить собираешься?

– Если кандидатскую защитить получится – а в этом я почти не сомневаюсь, – то, конечно, уйду. Что мне тут ещё делать? Как говорится, меня ждут великие дела. Не чета здешним.

– Жаль, – опустила глаза Лиза. – Кого мне теперь в пару поставят? Я привыкла к тебе. Ты хороший.

Вадим снова усмехнулся:

– Тогда молись, чтобы я провалился с защитой.

– Да ну тебя. Защитишь ты всё. Сам же сказал, что не сомневаешься. И я в этом с тобой солидарна. Зря я в аспирантуру не пошла.

– Да... – протянул Вадим. – Любовь, что движет солнце и светила.

А потом добавил:

– И заставляет людей делать непростительные глупости.

Они помолчали немного, допивая по очередной кружке кофе. Потом Вадим, слегка замявшись, снова заговорил:

– Слушай... Я понимаю, что это с моей стороны свинство... Но всё же не могу не попросить у тебя об одном одолжении.

– Спрашивай.

– Всё равно ведь я больше месяца здесь не задержусь. Начальство я пока в известность об этом не ставил. Ты возьми себе этого деда, а? Не потому, что это может быть случаем безнадёжным. Может, оно всё и не так сложится, как я предполагаю. Мне просто жалко его. Понимаешь? Возьмёт его себе главный, или отдадут старика Вовану. Он же садист самый настоящий. Кроме клизм, никакой больше терапии не признаёт. Загубит деда. А ты хорошая, добрая. Под твоим присмотром дед, глядишь, и оживёт. А, Лизка?

Краешком ума девушка догадалась, что именно об этом её и попросит Вадик. Но аргументы его были железны. И главврач, и больной на всю голову Володя, – они доконают старика и даже не поперхнутся. Тем более если Вована оторвут

от женского отделения, где он, как говорили, развернулся по полной программе со своей клизмой. Да ещё если поставят его с ней на ночные дежурства! Тогда кричи караул.

– Ну так что скажешь? – прервал её мысли Вадим. – Я в долгу не останусь. Когда развернусь в НИИ, обязательно пришлю тебе приглашение. Ты ведь голова. Никто здесь по достоинству тебя всё равно не оценит. И поверь, это не просто благодарность с моей стороны. Я просто ясно вижу и свои перспективы, и чужие. Ты будешь мне нужна на новой работе.

Лиза не сомневалась, что так оно и получится, если Вадиму действительно удастся построить свою карьеру. И она согласилась. И потому, что сама не собиралась задерживаться в больнице надолго, и, главным образом, потому, что боялась ночных посиделок с Володей.

На следующее утро привезли деда. Пока Лиза была на выходных, Вадим внеурочно вышел не в свою смену, чтобы оформить и передать документально старика другому лечащему врачу. Главврач был не против. Дети тоже особо не возражали тому, чтобы за отцом присматривала девушка. Вадим даже пообещал особое внимание и уход, всячески восхваляя профессиональные и душевные качества Лизы, и делал это так настойчиво, что обескураженные этими обещаниями дети даже высказали желание отдельно каждую неделю вознаграждать Лизу небольшой денежной суммой.

Может быть, они приняли слова Вадима за скрытое вымогательство, а может, зашевелились в них остатки какой-никакой совести, которую сложно изъять из человеческой души с корнем. В любом случае, сделкой все были довольны, кроме Лизы – её слегка покорибила денежная часть договорённостей. Но отказываться теперь тоже было неловко – сын с сестрой могли бы в этом случае засомневаться в обещанной им заботе и настоять, чтобы отца передали кому-то другому.

Сам же Вадим взял себе напоследок солдата, вскрывшего вены в туалете железнодорожного вокзала. Хотелось ему сделать доброе дело перед увольнением и отправить бедолагу домой с «жёлтым билетом». Но так он этого и не успел – за неделю до комиссии дело солдата передали Ольге Дмитриевне, той ещё стерве, которая, наоборот, сделала всё для того, чтобы вернуть суицидника обратно в воинскую часть. Тот после комиссии насобирав у других больных из палаты таблеток, мешая галоперидол с реланиумом, и ночью съел их целую пригоршню. Утром его едва откачали, сделали промывание желудка и вкололи морфина, а уже через три часа с нешевелиющимся языком отправили дослуживать свои положенные два года.

Вадим уволился из-за этого раньше, чем планировал. Рассобачился с Ольгой Дмитриевной, так что та не преминула накатать на него жалобу в министерство. В таком состоянии Вадим даже побоялся поговорить с Лизой, чтобы проститься. Ушёл по-английски. И Лиза осталась без напарника, со-

средоточив все свои силы и знания на бедном старике, Фёдорове Алексее Петровиче. Купила в киоске мягкую пачку «Явы» для Папа, а от новых напарников вообще отказалась, уверив, что со всем сможет справиться и сама. Главврач снова не возражал, словно подталкивая девушку к тому, чтобы все эти неудобства (безнадёжный старик и одинокие ночные дежурства за столом возле палаты буйных) обернулись в конце концов и её увольнением по собственному желанию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.